

М. В. Вишняк. «Доктор Вейцман». — Париж, 1939. — 212 стр.

М. В. Вишняк имѣл уже раньше случай — в своей книгѣ о Леонѣ Блюмѣ — показать, что он умѣет преодолѣть трудности, связаннаыя с «жизнеописанием современника в процессѣ незавершеннаго жизненнаго творчества» (выраженіе автора в предисловіи к новой книгѣ). Отлично справился он с этими затрудненіями и в трудѣ о докторѣ Вейцманѣ. Он сумѣл собрать и использовать такіе матеріалы, которых нельзя найти ни в печатных изданіях, ни даже в архивах. Автору удалось, очевидно, почерпнуть часть данных из личных бесѣд с сотрудниками и друзьями героя своей книги. Портрет доктора Вейцмана написан достаточно отчетливо. В этом явно сказалось мастерство автора. Вся книга написана с литературным блеском. Особенно это относится к первым главам, которыя читаются, что называется, как роман. Между тѣм автору, надо полагать, особенно трудно было розыскать данныя, относящіяся именно к дѣтским и юношеским годам героя. Ярко обрисована бытовая атмосфера еврейскаго мѣстечка «на грани времен», в которой рос и развивался будущій президент всемірной сіонистской организаціи, эпоха приобщенія евреев к русской культурѣ, расцвѣт реакціи и еврейскіе погромы 80-х годов, рост и развитіе національнаго движенія в русском еврействѣ. Особый интерес представляют приведенныя в книгѣ данныя об отношеніи народныхольцев к еврейским погромам.

Совершенно правильно поступил автор, дав в своей книгѣ краткій обзор исторіи сіонизма: иначе было — бы невозможно обрисовать облик д-ра Вейцмана — политика, вся дѣятельность котораго протекла в этом движеніи. М. В. Вишняк обнаруживает основательное знакомство с исторіей сіонизма. Он заявляет в предисловіи — и не без основанія, — что дает предпочтеніе изложенію фактов, «говорящих за себя», перед «обоснованіем точек зрѣнія, своих и чужих». Но здѣсь М. Вишняк все-же заслуживает серьезнаго упрека. Факты, относящіеся к исторіи сіонизма, изложены не всегда с достаточной полнотой, а это подчас ведет к неправильному освѣщенію событій. К тому-же автор нерѣдко дает не только факты, но и оцѣнки, а эти послѣднія далеко не всегда достаточно объективны. Эти два обстоятельства неблагоприятно отражаются на фонѣ, на котором рисуется портрет доктора Вейцмана, а отчасти — на самом портретѣ. Само собою разумѣется, раз книга посвящена д-ру Вейцману, ему автор отводит больше мѣста и вниманія, чѣм всѣм другим крупным сіонистским дѣятелям. Но это не должно было помѣшать объективной оцѣнкѣ роли и значенія современников героя книги. Воздать кесарю кесарево и т. д. можно, вѣдь, и в немногих словах. Между тѣм М. В. Вишняк явно недооцѣнивает, напримѣр, роли Теодора Герцля, создателя политическаго сіонизма. Именно Герцль превратил идею еврейскаго государства в «идею — силу», создав вокруг нея народное движеніе. Как всякій другой политической дѣятель, Герцль имѣл, конечно, свои недостатки, но он совершенно безспорно завоевал положеніе вождя національно настроеннаго еврейства. Внимательное ознакомленіе с «Дневниками»

Герцля, думается, убѣдило-бы автора, что он преувеличивает его политическую наивность. Не учел М. Вишняк в достаточной мѣрѣ и идейнаго вліянія, оказаннаго Максом Нордау в первую эпоху политическаго сіонизма. Большим пробѣлом является также почти полное игнорированіе политической роли В. Жаботинскаго. Об'ективное изложеніе исторіи сіонизма за послѣднія 15 лѣтъ невозможно без обрисовки личной роли этого послѣдняго и значенія созданнаго им движенія «государственнаго сіонизма».

В связи с преуменьшеніем — или затушеваніем — значенія современников д-ра Вейцмана чрезмѣрно вырос — незамѣтно, быть может, для автора, — пьедестал, на который установлена фигура Вейцмана - политика. Он играл и играет, конечно, большую роль в судьбах сіонистскаго движенія, во главѣ котораго он стоит в теченіе такого продолжительнаго времени. Но даже среди наиболѣе горячих поклонников политико - дипломатических талантов доктора Вейцмана и сторонников его политики найдется, надо думать, немало таких, которые не согласятся с М. В. Вишняком, когда он говорит, что, с момента опубликованія деклараціи Бальфура, герой его книги «стал безспорным вождем движенія, его символом и воплощеніем». Имѣть заслуги, даже большія заслуги, перед національным движеніем, быть президентом, даже долготѣнным президентом, еще не значит быть вождем.

М. Бенедиктов

Б. Н. Щербинскій. Post-Scriptum. — Париж, 1938.

Книга Щербинскаго, огромный, толстый «кирпич» (по количеству типографских знаков приблизительно равная «Братьям Карамазовым»), представляет из себя нѣчто вродѣ покаянной исповѣди. Это в одном планѣ. В другом же она представляет как бы об'ективную хронику, — попытку новой «исторіи моего современника», т. е. поколѣнія, достигшаго зрѣлости к началу XX вѣка. И надо сказать, что хроника эта, несмотря на чудовищныя длиноты, любопытна и поучительна даже в тѣх случаях, когда ничего совершенно новаго нам не открывает.

Мальчик растет в культурной, либеральной семьѣ. Отец—мировой (выборный) судья, мать—музыкантша, няня—вѣрующая православная и, как полагается, живое собраніе народных сказаній, поэтических вымыслов. И все же, 7 лѣтъ мальчик, каким-то чутьем, уже «знает», что міръ дѣлится на двѣ неравныя части: люди вообще и евреи.

10 лѣтъ мальчик начинает подскребывать ножиком отмѣтки в школьном дневникѣ, добавлять черточки, хвостики, дабы не огорчать мать дурными баллами.

Юноша любит музыку, бѣлыя перчатки, шелковое бѣлье. В связи с этим ему приходится порой заглушать в себѣ голос совѣсти, чести. В университетѣ он сторонится лохматых, грязных, грубых «поповичей», разночинцев. Но и общества титулованных не выносит, — за их глупость, цинизм и распушенность. Во время русско - японской войны он увлекается Востоком, — аристократизмом (подлинным, культурным) китайцев. Да и поэзія их храмов, могил императоров, очаровывает: мистика востока.